

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
Горячев А.А. Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
Марсадолов Л.С. О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Папин Д.В. Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
Ходжаева Н.Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
Шнайдер С.В., Холматов Н.У., Рахимжанова С.Ж., Федорченко А.Ю., Рендю У, Марковский Г.И. Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Китинов Б.У. Туглук Тимур и особенности политico-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
Баимов А.Г., Тузбеков А.И. Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
Петров И.Г. Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно- поминальной обрядности чувашей	187
Садалова Т.М. О характеристиках богатырского лука в эпических сказаниях.....	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ворошин С.Д. Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
Дашковский П.К., Ильин В.Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
Чуркин М.К., Маткаrimова С.М., Абдуллаева Н.Б. Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A.A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye	26
<i>Marsadolov L.S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N.J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S.V., Kholmatov N.U., Rakhimzhanova S.Z., Fedorchenko A.Y., Rendu W., Markovskii G.I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Papin D.V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kitinov B.U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A.G., Tuzbekov A.I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research	165
<i>Petrov I.G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T.M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Voroshin S.D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M.K., Matkarimova S.M., Abdullaeva N.B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259
FOR AUTHORS	280

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 2–21+ 008 + 7.03
DOI 10.14258/nreur(2025)4-11

С.Д. Ворошин

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА СВЯТОСТИ В ИСКУССТВЕ СТРОГАНОВСКИХ ВОТЧИН В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Работа исследует особенности реализации государственно-конфессиональной политики Позднего Средневековья на примере искусства строгановских вотчин XVI–XVII вв. Род Строгановых был выбран за существенный вклад в развитие урало-сибирского региона и страны, успешное освоение новых территорий и продвижение в них православной культуры. Новизной исследования стала постановка проблемы отражения в строгановском искусстве феномена святости как основного стержневого концепта культуры России исследуемого периода. Для этого определено, какие события в конфессионально-государственной политике России отразились в культуре и искусстве Позднего Средневековья. После чего раскрыто, как образы святых формировали понимание святости на примере «строгановского» искусства. Установлена структура религиозной идентичности Строгановых, нашедшая отражение в поддерживаемом ими искусстве. Источниками выбраны иконы, выполненные по заказу Строгановых. Для их изучения применялся теолого-культурологический подход, а также принцип историзма, позволившие выявить сопричастность Строгановых стержневым концептам религиозной культуры исследуемого периода.

Ключевые слова: государственно-религиозная политика России Позднего Средневековья, феномен святости в «строгановском» искусстве, религиозная идентичность Строгановых

Для цитирования:

Ворошин С.Д. Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 220–239. DOI. 10.14258/nreur(2025)4-11.

Ворошин Семен Дмитриевич, кандидат культурологии, научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы истории и теории культуры», Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия) **Адрес для контактов:** voroshinsd@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1625-8642>

S.D. Voroshin

South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

THE PHENOMENON OF HOLINESS AND ITS REPRESENTATIONS IN THE ART OF STROGANOV ESTATES IN THE CONTEXT OF STATE-CONFESSITIONAL POLICY

The article examines the specifics of the state-confessional policy implementation in the Russian Late Middle Ages on the example the art of the Stroganov estates in 16th-17th centuries. The Stroganov family was chosen for its significant contribution to the development of the Ural-Siberian region and the country, the successful development of new territories and the promotion of Orthodox culture there. The novelty of the study includes the phenomenon of holiness formulation and its reflection in the Stroganov art as the main core concept of Russian culture in the studied period. For this purpose, it was determined which events in the confessional-state policy of Russia were reflected in the culture and art of the Late Middle Ages. The author revealed how the images of saints shaped the understanding of holiness using the example of Stroganov art. The article demonstrates the structure of the Stroganovs religious identity, reflected in the art they supported. The icons commissioned by the Stroganovs were chosen as sources. The author used a theological-cultural approach, as well as the principle of historicism, which made it possible to identify the Stroganovs' involvement in the core concepts of the religious culture of the period under study.

Keywords: state-religious policy of Russia in the Late Middle Ages, the phenomenon of holiness in Stroganov art, the religious identity of the Stroganovs

For citation:

Voroshin S. D. The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. Т. 30, № 4. Р. 220–239 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4-11.

Voroshin Semyon Dmitrievich, PhD in Cultural Studies, research fellow at the Scientific and Educational Center «Actual Problems of History and Theory of Culture», South Ural State University, Chelyabinsk (Russia) **Contact address:** voroshinsd@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1625-8642>

Введение

Как известно, Россия восприняла христианство из Византии, а основателем ее государственно-конфессиональной политики стал равноапостольный святой Владимир Святославич (ок. 956–1015), великий князь киевский. Вместе с православием на Русь пришли новые созидательные идеи, которые консолидировались в формирующемся феномене святости.

Христианское понимание святости во многом базируется на ветхозаветном иудаизме, объясняющем феномен как непосредственный и необъяснимый опыт силы, превосходящий человека. Древний Израиль воспринимал святость всего народа как выражение благосклонного отношения Господа. Ветхозаветное понимание святости человека носит коллективный характер, относящийся ко всему народу. Новозаветное значение напрямую связано с Иисусом Христом как личностью. Он обладал изначальной святостью как Сын Бога. Следуя заповедям Христа и его примеру, обычный человек мог в какой-то степени приблизиться к святости. Таким образом, феномен перестает принадлежать определенному народу и преобразуется в универсальный дар, к которому каждый человек в христианском мире может приобщиться через единение с Богом [Ворохобов, 2020].

Основу святости составляет понимание христианства как религии спасения. Иисус, сын Божий, принес себя в жертву ради спасения человечества. В христианстве каждый человек любит Бога, молит Его о помощи и защите как Отца Небесного. Каждый смиренно исполняет Его волю, следуя заповедям.

Эта идея спасения души через обретение вечной жизни стала центральной. Иисус — спаситель, принесший свою телесную природу в жертву на кресте ради человечества. Из этой концепции вырастает другая идея — греховности человека, которая также доминирует в христианстве. Борьба с греховностью, преодоление грубых аффектов человеческой природы, в том числе через поиски сакрального человека в себе, составляет основу спасения души.

Итак, представление человека о греховности своей природы и вера в спасение составляют вместе основу святости. В работе предлагается следующее определение феномена, выстроенное как обобщение автором дефиниций предшествующих исследователей с внесением собственного видения в контексте культуры России Позднего

Средневековая. Святость — это связь земного и человеческого с Божественным и Вечным, преображение человека через сокровенное единение с Творцом и принадлежность иному, запредельному миру. Святость можно обрести через любовь, служение людям и стране, возведение и поддержку храмов, милосердие в сочетании с молитвами, духовным самоуглублением. Наиболее близким народу примером святости становились свои, отечественные святыне, служившие Родине, обладавшие личной добродетелью, индивидуальной биографией, но при этом они возвышались над конкретным временем. От Византии в Россию перешло такое понимание святости, что в ее обретении важна не только духовность, но и красота, связывающая человека с Вечностью, что в дальнейшем нашло воплощение в искусстве.

Для лучшего понимания феномена святости и его репрезентации в государственно-конфессиональной политике следует тщательнее изучить примеры из прошлого. Существенный вклад в развитие урало-сибирского региона и страны, освоение новых территорий и продвижение православной культуры внесла династия Строгановых. Вместе с успешной торговой деятельностью, организацией промышленных центров ими формировалась религиозная идентичность как репрезентант святости.

Разносторонняя деятельность промышленников и покровителей искусств Строгановых активно изучалась начиная с XVIII в. и по настоящее время [Икосов, 1881; Савваитов, 1886; Дмитриев, 1889; Введенский, 1962; Попов, 1994]. Ряд работ посвящен искусству, созданному под их покровительством [Георгиевская-Дружинина, 1929; Дмитриев, 1955; Такташова, 1981; Силкин, 1984; Парфентьев, Парфентьева, 1993; Парфентьев, 2008; Преображенский, 2016; Parfentieva, Parfentiev, 2020]. Однако проблема отражения феномена святости в искусстве Позднего Средневековья не раскрывалась. Таким образом, автор впервые ставит цель изучить реализацию государственно-конфессиональной политики путем репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин. Для этого нужно проследить, какие события в конфессионально-государственной политике России отразились в культуре и искусстве Позднего Средневековья. Также необходимо раскрыть, как образы небесных покровителей формировали понимание святости на примере «строгановского» искусства конца XVI — первой четверти XVII в. Это поможет выявить структуру религиозной идентичности Строгановых (мировой, национальный, региональный уровни), отразившейся в поддерживаемом ими искусстве. Мы исходим из посыла, что доминантой мировоззрения исследуемого периода была святость, в ней сконцентрированы все стержневые концепты эпохи.

Итак, феномен святости — ключевой концепт культуры эпохи русского Позднего Средневековья, сердцевина православия. Он наполнен созидающими идеями, определяющими особенности идентичности общества и человека исследуемого периода. Втягивая в сферу своего притяжения такие стержневые концепты, как книжность, идея сакральности власти царя, восприятие православного государства как осажденной крепости, идеологемы «Москва — Третий Рим», «Москва — новый Иерусалим» и другие, феномен святости помогал элите своего времени, в том числе Строгановым, обеспечить развитие в экономических, социальных, духовных сферах, а главное — сформировать уникальную культуру. Отметим, что все стержневые концепты религиозной культуры непосредственно связаны друг с другом, образуя определенную

иерархию. Но особое научно-теоретическое значение для предпринимаемого анализа имеет утверждение, что в культуре исследуемого периода ключевую роль играл феномен святости, пронизывающий всю идеологическую сферу и раскрывающий самую суть ее религиозного осмысления.

Самым доступным для понимания средневекового человека проявлением святости можно считать образы небесных покровителей, в основном запечатленных в житийной литературе и иконах. Временные рамки нашего исследования охватывают конец XVI — первую четверть XVII в. и обоснованы тем, что исследуемые репрезентативные произведения датируются этим периодом подъема искусств строгановских вотчин. Анализ выполняется на следующих источниках: иконы Литургия «Иже Херувимы», «Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах», «Богоматерь Владимирская, с господскими и богородичными праздниками в 18-ти клеймах», «Никита-воин, предстоящий Богоматери с Младенцем, с житием в 20-ти клеймах», «Святой Царевич Дмитрий в молении», «Богоматерь Владимирская» (табл. 1). Заказчиками этих произведений иконописи для своего домового Благовещенского собора в Сольвычегодске были Строгановы [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 27, 32–33, 40, 49, 53].

Таблица 1
Типология строгановских икон
Tabl. 1
Typology of Stroganov icons

Икона	Тип идентичности
Литургия «Иже Херувимы»	Мировая, национальная, региональная и семейная
«Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах»	Национальная
«Богоматерь Владимирская, с господскими и богородичными праздниками в 18-ти клеймах»	Мировая, национальная
«Никита-воин, предстоящий Богоматери с Младенцем, с житием в 20-ти клеймах»	Мировая, национальная, семейная
«Святой Царевич Дмитрий в молении»	Национальная
«Богоматерь Владимирская»	Мировая, национальная

Поставленная проблема находится на стыке гуманитарного знания, поэтому нами выбран теолого-культурологический подход, а также принцип историзма, что позволяет выявить сопричастность промышленников стержневым концептам православной культуры. Так как в их основе лежат религиозные представления, мы сосредоточимся на отражении православных идей в произведениях искусства, созданных под покровительством Строгановых. Именно православие сыграло фундаментальную роль в историческом процессе формирования религиозной идентичности русского народа.

В сложные исторические периоды сформированная идентичность, выстраиваемая на основе единства языка и веры, позволяла народу сохранить себя, обеспечить развитие в экономических, социальных, духовных сферах, создать богатую культуру. Иден-

тичность¹, базирующаяся на православии, обладает иерархичностью, в которую включены причастности разным уровням культуры: региональной, общерусской и наднациональной, мировой. Особую роль в ее формировании играет пантеон святых. Небесные западноевропейские и византийские святые, почитаемые всеми христианами, соответствуют мировому уровню идентичности; общечтимые русские святые олицетворяют ее национальный уровень; местно-почитаемые — региональный.

Особое внимание укреплению общерусской православной идентичности как реализации государственно-конфессиональной политики былоделено во времена правления Ивана Грозного. Так называемые Макарьевские соборы 1547–1549 гг. ставили цель усилить общерусскую религиозную идентичность путем создания пантеона русских святых, защитников Московского царства на небесах. Итогом соборов стала канонизация около 40 святых. Это привело к потребности создания их житий, иконописного образа, гимнографии, став крупным культуротворческим процессом [Парфентьев, Парфентьева, 2023: 161].

Антрапологические подходы в осмыслении образов святых как соотечественников, способствовавших духовному возвышению Родины и ставших образцом элите и народу

Благодаря формированию на канонизационных соборах пантеона русских святых в культуре России второй половины XVI в. с особой силой проявилась связь земного и человеческого с Божественным. Ярким примером этому стали святые. Они были не просто добрыми, праведными или благочестивыми людьми — этими качествами стремился обладать каждый христианин. Отличительной чертой святости была принадлежность иному, запредельному миру. Святой был представителем своей эпохи, обладал личными чертами, но при этом он возвышался над конкретным временем, уходя в Вечность. Основу канонизации заложил огромный труд митрополита всея Руси Макария (1481/82–1563 г.) — Великие Четы-Минеи, по замыслу вбиравшие в себя все жития почитаемых на Руси святых. Житийная литература представляла следующие траектории достижения царствия небесного: святые мученики-страстотерпцы, отдавшие жизнь за веру, смиренно подчинившиеся воли Господа (святые Борис и Глеб, умершие в 1015); святые князья, совершившие воинский подвиг (великий святой благоверный князь киевский и владимирский Александр Невский (1221–1263); преподобные, монахи, ушедшие от мира и живущие в посте и молитве (игумен Сергий Радонежский (1314/1322–1392); святители, иерархи церкви, угодившие Богу праведной жизнью (московские митрополиты Петр (ок. 1260–1326), Алексий (1292/1305–1378), Иона (1390-е –1461) и др.

¹ Идентичность — это способности индивида воспринимать себя и других через принадлежность к определенным социально-культурным группам, разделяя, а впоследствии и транслируя их ценности, традиции, нормы поведения, мировоззренческие ориентиры. Феномен обладает динамической многоуровневостью и иерархичностью, но все аспекты принадлежности человека связаны, одни могут включать другие и главенствовать над ними. Сопричастность средневекового русского человека напрямую связана с созидательными идеями (осажденная крепость, божественность власти государя, «Москва — третий Рим» и др.).

Религиозный мыслитель XIX–XX вв. Г.П. Федотов увидел в русской святости путь формирования особого русского религиозного типа, развивавшегося на протяжении ряда исторических периодов [Федотов, 1990]. Восходя корнями к Византии, православие приобрело свои особенности². Современные исследователи сходятся во мнении, что святость отражает нравственный идеал народа [Кудина, 2008; Юрьева, 2015].

Основа православных традиций — культура Византии. В ней феномен святости и связанные с ним обряды воспринимали через торжественность, красоту, отображавшую Вечность [Османкина, 2000; Беликов, 2014]. Присутствовала этическая и эстетическая составляющая. Религиозная духовность первых десятилетий после крещения Руси и позже, во времена жизни одного из основателей и игуменов Киево-Печерского монастыря, святого Феодосия Печерского (ок. 1008/1036–1074), не только способствовала сохранению традиции Византии, но и усилила евангельскую часть веры, направленную на любовь, служение людям и милосердие. Русскими святыми домонгольского времени стали князья Борис и Глеб, преп. Феодосий, великий князь Киевский Владимир Святославич и др.

Затем эволюция древнерусской святости выпадает на время монгольского ига. Первым московским, а затем и общерусским небесным покровителем этого периода стал святой Петр, митрополит Московский и всея Руси, аскет, иконописец, в тяжелейший период ига сохранивший православие и утвердивший в качестве духовного центра Руси Москву времен правления Ивана Даниловича Калиты (1284/1288–1340), князя Московского и Новгородского, великого князя Владимира. Существует иконописная традиция, когда на русских иконах присутствуют три московских митрополита: святые Петр, Алексий и Иона. Подлинным олицетворением духовности русского народа стал святой Сергий Радонежский. Во времена монгольского завоевания актуализируются практики духовного самоуглубления, молитвы, преображение человека через сокровенное единение с Богом. Все перечисленные святые этого времени запечатлены на иконах строгановского иконописного круга [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 33, 70].

На всех этапах понимание святости основывалось на общехристианском и византийском наследии, однако перешло на русскую культурную почву с ее особенностями, трансформируясь со временем Крещения Руси в соответствии с тенденциями каждого исторического периода. Святость интересовала исследователей, раскрывающих ее в описании русской души, национального характера, исторических событиях и бытовой стороне жизни [Мосина, 2012]. Во всех этих аспектах отмечались особенности православного менталитета. В специфике русской святости ученыe видели ключ к пониманию национальной культуры. Проявлялся феномен в служении Родине, святой русской земле, церкви, в молитвах, помощи людям. И образцом для поведения православного человека в этом становились святые. Русская святость в целом не отклонялась от общехристианского идеала. Но православный человек Руси

² Изучение святых Древней Руси продолжил Г. В. Маркелов, сфокусировавшись на иконографии [Маркелов, 1998]. Ему удалось выявить, что многие сюжеты представлены в различных, порой существенно отличающихся друг от друга иконографических вариантах, воплощающих разные периоды формирования иконописного образа или иконографической традиции.

в силу испытания суровым климатом, тяжелым порабощением, потерей суверенитета при монгольском правлении, жестокими междуусобицами князей испил до дна горькую чашу страданий. Многие народы, испытав такие страшные вызовы, сошли с исторической сцены, не смогли сохранить свою государственность. Россия же не только выжила, но благодаря сохранению православия, книжности, централизации власти и идеалам святости, другим созидаельным идеям, которые в период Средневековья имеют религиозную основу, создала уникальную, мощную державу с одухотворенной культурой. Такой основательный подход во многом стал образцом для осмысления стратегии поведения сольвычегодских промышленников Строгановых, действовавших в условиях ведения промышленных проектов по освоению северных территорий и впоследствии Сибири.

Воплощение святости в образах небесных покровителей в художественной культуре строгановских вотчин

Строгановы как представители своего поколения прекрасно понимали, что человеку святость не дается сама по себе, к ней нужно стремиться, и самым ярким, доступным и понятным примером в России исследуемого периода были жития и иконы святых. В них они представлялись как русские герои и образцы для подражания. Жития становились одним из главных источников просвещения людей и частью феномена святости [Ключевский, 1871]. Небесные покровители не только защищали Святую Русь, но и становились примером каждому человеку в его духовном пути. Их глобальная роль в русской культуре заключалась в наглядной демонстрации места России в общехристианской истории через конкретные примеры соотечественников, прославленных в лице святых, занявших свое положение в небесной иерархии.

Жития святых и книги в целом были основным каналом передачи созидаельных идей, демонстрации святых как образцов поведения. Книжность определяется как мощный фактор формирования средневековой культуры и мировоззрения человека [Лихачев, 1997]. Строгановы как передовые промышленники и предприниматели своего времени, покровители храмов и церковного искусства обладали обширной библиотекой, по своему объему и наполнению не уступавшей многим монастырям и накоплениям знатных людей [Мудрова, 2001; 2015] (Так, основатель династии Аника владел библиотекой в 215 экземпляров). По заказам Строгановых создавались произведения книжно-рукописного искусства [Парфентьев, 2008]. Ко второй половине XVI в. библиотека Строгановых по составу собраний больше всего соответствовала крупным монастырям Русского Севера [Мудрова, 2015: 64–65]. Около половины книг были богослужебного характера, в том числе дублирующих друг друга, для последующего вклада в поддерживаемые церкви [Савваитов, 1886; Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края, 2017; Богданов, 2023]. Такая библиотека обеспечивала доступ к обширным знаниям, связь с мировой культурой на протяжении многих ее этапов (события Ветхого Завета, Античности, раннехристианского периода, Византии, эпохи становления Древней Руси и дальнейших периодов русской истории). Знакомство с рукописями и печатными книгами не только связывало читателя с культурой древних государств, России, родного края, но и раскрывало феномен святости.

В формировании религиозной идентичности Строгановых значимую роль сыграли местные святыне: Прокопий Устюжский, Трифон Вятский, Лонгин Коряжемский, а самую главную — Стефан Пермский. Его житие во многом сформировало у промышленников сопричастность религиозной культуре региона [Мудрова, 2015: 54]. Уникальный подвиг Стефана Пермского — создание алфавита для народа коми и перевод на их язык основных церковных сочинений можно сравнить с созданием русского алфавита святыми Кириллом и Мефодием. Освоение земель, продвижение на них православной культуры, письменности и грамотности стало частью святости Стефана, эти же ценности переняли миры Строгановы. Святой Стефан и другие, сначала местночтимые, а затем и общенациональные святыне, стали для основателя рода Аники Федоровича и его наследников примером деятелей, распространявших православную культуру на осваиваемых землях, тем самым демонстрируя промышленникам бесконфликтный путь взаимодействия с местным населением.

Образы святых в произведениях «строгановского» искусства конца XVI — первой четверти XVII в. как отражение религиозной идентичности заказчиков

Строгановы реализовывали государственно-конфессиональную политику на своих землях путем поддержки церковного искусства. Основатель рода Аника Федорович (1497–1569) возвел Благовещенский собор Сольвычегодска — об этом сохранилась надпись на куполе [Попов, 1994: 72]. Храм стал домовым для многих поколений династии. Помимо церковного искусства, в соборе хранились особые предметы святости — мощи небесных покровителей [Попов, 1994: 80–81; Пивоварова, 2015]. Аника Строганов сформировал фундамент принципов ведения торгово-промышленных дел, определил подходы в вопросах ктиторской деятельности, поддержке искусства [Ворошин, 2020]. Продолжателями его дела стали внуки, двоюродные братья Никита Григорьевич (1560–1616) и Максим Яковлевич Строгановы (1557–1624), яркие личности, оставившие свой вклад в развитие художественной культуры своего региона. Ими организовывались иконные и книжные мастерские, нанимались столичные мастера, в том числе работавшие в центре передового искусства страны своего времени — Оружейной палате Московского Кремля.

Выбор сюжетов для росписей храмов и иконописи во многом был связан с книгами, бывшими в распоряжении Строгановых. Через рукописи и печатные издания транслировались ключевые созидательные идеи (в том числе святость), нашедшие свое воплощение в искусстве. Основными методами выражения святости в искусстве были: иерархичность, каноничность, символизм. В иконах «строгановских» вотчин можно проследить четкую религиозную структуру. В иконе Литургия «Иже Херувимы» уровни иерархии выстраиваются сверху от Отечества в круге, символизирующего Святую Троицу, к местнопочитаемым святым. В нижнем ярусе иконы изображены представители рода Строгановых [Ворошин, 2023]. Для икон Благовещенского собора Сольвычегодска часто выбирались соименные святыне. Например, «Никита-воин, предстоящий Богоматери с Младенцем, с житием в 20-ти клеймах» вполне мог обладать внешними чертами Никиты Григорьевича [Ворошин, 2022]. В тезоименной иконе, помимо характерной для заказчика манеры исполнения, утонченной и изысканной, можно увидеть воплощение воинской святости как ее понимал Никита Григорьевич.

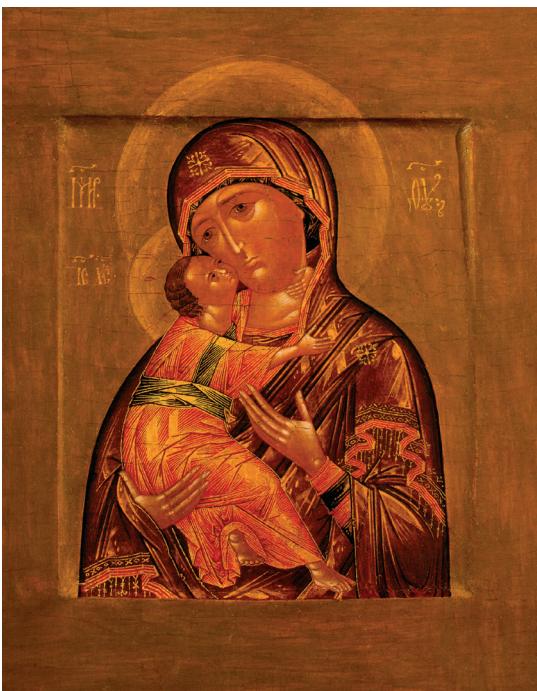

Рис. 1. Владимирская икона Богоматери, Елизаров Истома, первая четверть XVII в.
Fig. 1. Our Lady of Vladimir, Elizarov Istoma, first quarter of the 17th century

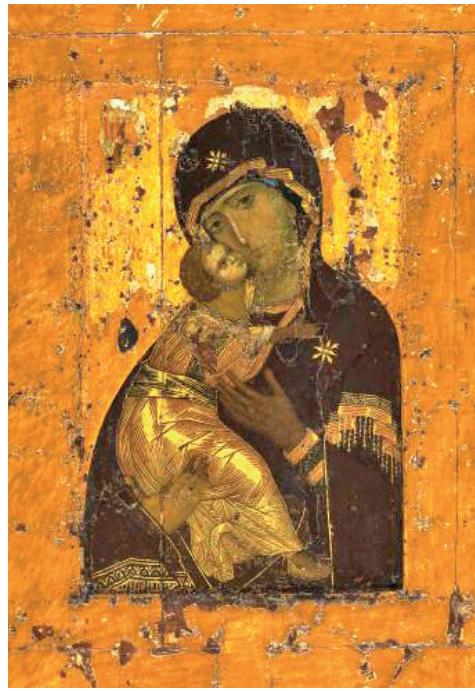

Рис. 2. Богоматерь Владимирская, Первая треть XII в.
Fig. 2. Our Lady of Vladimir, first third of the 12th century

Несмотря на проявление индивидуального вкуса, «строгановское» искусство создавалось в русле общероссийских тенденций своего времени. Например, Владимирская икона Строгановых — это отзвук Богоматери Владимирской из Успенского собора Московского Кремля, следование устоявшемуся византийскому канону (рис. 1–3). Первый список этой иконы из строгановского храма датируется XVI в. и отличается от подлинника тем, что там есть клейма, раскрывающие Господские и Богородичные праздники. Оригинальную Константинопольскую икону сын великого князя Юрия Долгорукого, князь Андрей Боголюбский привозит в Сузdalь.

После постройки Владимирского Успенского Собора (1160) икона становится главным чудотворным образом Владимира-Сузальских земель. С приобретением Московской статуса политического и духовного центра России икона постепенно перемещается туда. Окончательно ее установили в Успенском соборе Московского Кремля в 1479 г. Московские князья обращались к ее помощи накануне совершения важных государственных и военных дел. Икона спасала Москву от Темира Аксака, Ахмата и других захватчиков [Парфентьев, Парфентьев, 2023: 291–292]. Владимирская икона Пресвятой Богородицы стала общегосударственной святыней, патрональной чудотворной иконой царства Московского. Строгановы знали это и заказали прекрасную копию иконописного произведения, провозглашая связь со столичной культурой. Чуть позднее в нача-

ле XVII в. по заказу Строгановых создан еще один список, выполненный знаменитым мастером Истомой Елизаровым. Особое почитание образа Владимирской иконы Божией матери Строгановыми подтверждается еще и обилием произведений лицевого шитья по иконографическому образцу древнего образа [Силкин, 1984]. Сам царь Иван Грозный почитал этот образ как главную святыню государства, создав целый цикл стихир — музыкально-гимнографических произведений, в честь этой чудотворной иконы [Парфентьев, Парфентьева, 2023: 291–321]. (Следует отметить, что царь возвышал образ Руси в своем музыкально-гимнографическом творчестве [Парфентьев, Парфентьева, 2020; 2022; 2023]). Прекрасный список иконы московского мастера олицетворял приверженность Строгановых конфессионально-государственной политике московских царей в период сложных исторических перипетий второй половины XVI — первой четверти XVII в. [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 33, 53].

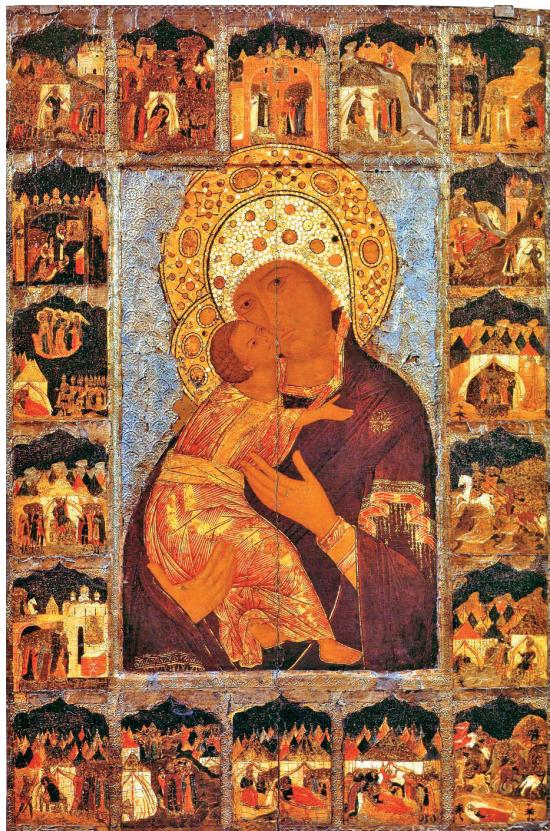

Рис. 3. Богоматерь Владимирская, с господскими и богородичными праздниками в 18-ти клеймах. Конец XVI в.
Fig. 3. Our Lady of Vladimir, with Lord's and Mother of God's feasts in 18 scenes.
Late 16th century

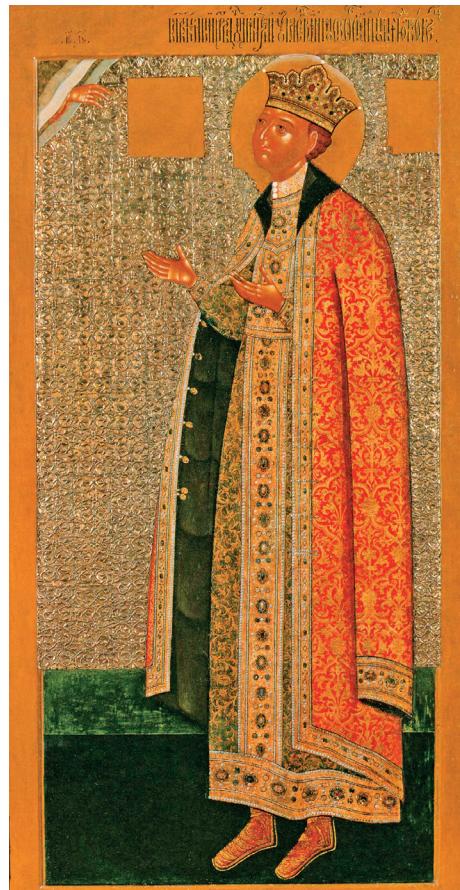

Рис. 4. Святой Царевич Дмитрий в молении.
Савин Назарий Истомин, 1621–1622
Fig. 4. Saint Tsarevich Dmitry in prayer. Savin Nazariy Istomin, 1621–1622

Другой пример связи с правящей властью — создание иконы «Святой Царевич Дмитрий в молении» (Назарий Истомин Савин, 1621–1622) [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 49] (рис. 4). Этим Строгановы показывают, что верят в смерть Дмитрия Углицкого и не признают самозванцев, откликаясь на вызов Смутного времени и выступая за законную государственную власть.

Книжные собрания Строгановых также стали основой для выбора святых и написания икон с ними, вошедших в домовой Благовещенский собор Сольвычегодска (Николай Чудотворец, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Богослов и др.) и другие церкви (Стефан Пермский, Иоанн Златоуст и др.) [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 46, 48, 51–52, 67, 78–79, 82].

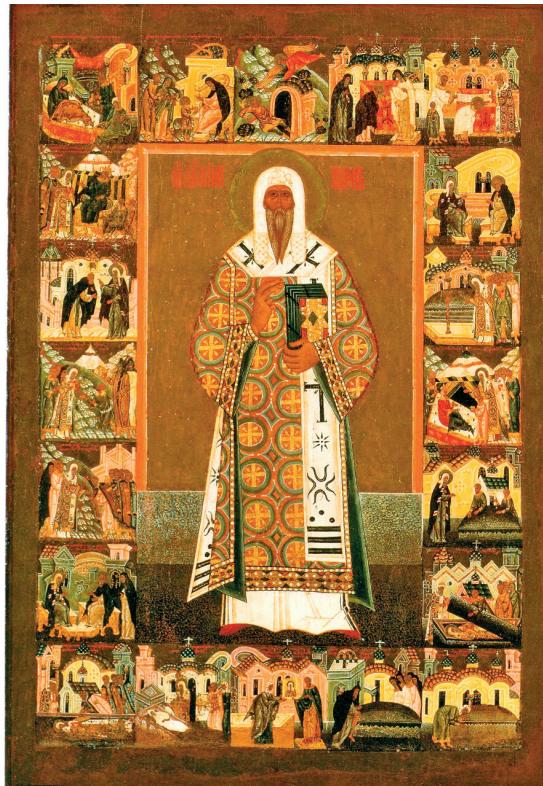

Рис. 5. Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах. Конец XVI в.

Fig. 5. Metropolitan Alexy, with scenes from his life in 20 scenes. Late 16th century

Среди вкладов в Благовещенский собор Сольвычегодска, сделанных Максимом Яковлевичем и его дядей Семеном Аникиевичем (1540–1586), особое значение имеет икона «Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах» [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 32–33]. В митрополиты Алексия поставил патриарх Константинопольский, что напрямую связывает его не только с русской, но и общехристианской культурой. В клеймах Алексий взаимодействует с выдающимися русскими свя-

тыми: молится у гроба митрополита Петра; беседует с Сергием Радонежским. Сцены жизни иллюстрируют проявления его святости: исцеление от слепоты царицы Ордынской Тайдулы при жизни, а после смерти — жены Матроны иконой; избавление женщины от недуга у гроба Алексия Митрополита и т.д. Жизненный путь святителя привелся на тяжелое время монгольского ига, одной из его ключевых задач было объединение русских земель под началом церкви, защита интересов страны перед захватчиками. Клейма строгановской иконы демонстрируют поездки в Орду, где он пользовался почитанием, в том числе благодаря исцелению ханши Тайдулы (рис. 5). Алексий Митрополит был примером Строгановым не только как дипломат, но и ктитор, основавший храмы и монастыри, в том числе Чудов — часть Московского кремля. Таким образом, образ Алексия Митрополита олицетворяет святость, доступную как духовным лицам (чудеса исцеления), так и мирянам: защита страны и ее интересов, успешное ведение дипломатии, ктиторская деятельность.

Рис. 6. Стефан Пермский, с житием в 16-ти клеймах. Первая половина XVII в.

Fig. 6. Stefan of Perm, with his life in 16 scenes. First half of the 17th century

Другим примером для поклонения Строгановых стали образы святых Прокопия и Иоанна Устюжских, почитавшихся на Севере, и особенно их деяния, ставшие образцом для всех русских людей. Несмотря на расположение строгановских земель вдали от политического центра, эти образы имели государственное значение. Город Устюг

был форпостом столицы. Промышленники находились между двух культур: Новгорода и Москвы. Они почитали новгородских святых (например, у них были служба и житие Антонию Сийскому [Мудрова, 2015: 292]), но были преданы Москве и царскому правительству.

Почитание Строгановыми местных святых во многом отразилось в иконе Стефана Пермского [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 67]. Среди эпизодов жизни, представленных в ней, присутствовали близкие промышленникам мотивы. Отплытие Стефана в Пермские земли перекликалось с торгово-промышленной деятельностью рода Строгановых, их упорностью и непоколебимостью в преодолении трудности, в том числе по водному пути. В одной из сцен святой ведет богослужение в построенным им храме. Храмостроительство роднило Стефана и Строгановых. Фрагменты, посвященные победе святого в споре с языческим жрецом о правой вере, подкрепленной доказательством, понятным местному племени (святой Стефан проходит через огонь, а языческий кудесник отказывается), воплощают не только силу духа, но и мирный подход в процессе христианизации населения (рис. 6).

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Конфессионально-государственная политика России во времена Ивана Грозного получила обоснование в решениях двух канонизационных соборов 1547–1549 гг., а именно: подготовлены материалы и на их основе написаны жития русских святых, гимнография служб, песнопения, создана иконография новых святых, написаны их иконы. Целью канонизации было укрепление религиозной идентичности всех жителей Московского царства. Необходимо было консолидировать народ, для этой задачи выбраны небесные покровители как примеры каждому православному человеку.

Итак, Строгановы жили и действовали в русле московской культуры и политики. Ониозвели Благовещенский собор в Сольвычегодске как домовой, подчеркивая связь с Благовещенским собором Московского Кремля, фамильного для московских великих князей и царей. В сольвычегодском храме был устроен придел московскому митрополиту Алексию (в том числе хранились его мощи), для росписи были выбраны столичные мастера Федор Савин и Стефан Арефьев. Главные иконы заказывались лучшим мастерам царской Оружейной палаты — Прокопию Чирину, Истоме Савину, Назарию Истомину. Как уже отмечалось, важным в утверждении религиозной и национальной идентичности Строгановых становится заказ списка Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, патрональной иконы из главного собора царства — Успенского собора Московского Кремля. Монументальный каменный храм Сольвычегодска был символом величия и значимости семейства Строгановых, став усыпальницей для многих представителей династии.

Несмотря на четко выраженную национальную составляющую, религиозная идентичность Строгановых была иерархически выстроена, вмешала мировой, наднациональный, общерусский и региональный аспекты, что нашло отражение в иконостасе Благовещенского собора Сольвычегодска. Сопричастность мировой христианской культуре отражалась в верхних рядах иконостаса, посвященных событиям и святым Ветхого Завета. Далее шли общерусские небесные покровители — репрезентант на-

циональной идентичности. Нижний ряд изображал местно-почитаемых, формируя причастность региональной культуре. По аналогии, у Строгановых сформировалась духовная связь с местночтимыми святыми — жития хранились в библиотеке и храмах промышленников, были заказаны иконы и лицевое шитье.

Таким образом, через строительство храмов, сбор церковных книг и поддерживаемое церковное искусство Строгановы заявляли о том, что разделяют конфессионально-культурную политику московских царей в контексте репрезентации феномена святости.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–78–00058, тема «Отражение стержневых концептов Позднего Средневековья в культуре и искусстве XVI–XVII вв. (на примере меценатской деятельности рода Строгановых)», <https://rscf.ru/project/24-78-00058/>

Acknowledgement and funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No. 24–78–00058, project title «Reflection of the core concepts of the Late Middle Ages in the culture and art of the 16th-17th centuries. (using the example of the philanthropic activities of the Stroganov family)», <https://rscf.ru/en/project/24-78-00058/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беликов А. В. Эстетический смысл канона в византийском искусстве : дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 233 с.

Богданов В. П. Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV–XVIII веков) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2023. 1041 с.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 307 с.

Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь : Пермская государственная художественная галерея, 2017. 727 с.

Ворохобов А. В. Основы библейского понимания святости // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2020. № 18. С. 349–359.

Ворошин С.Д. Аника Строганов и русское региональное искусство XVI в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 66–71.

Ворошин С.Д. Икона Литургия: «Иже херувимы» как репрезентант идентичности Никиты Григорьевича Строганова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 7. С. 1127–1143.

Ворошин С.Д. Отражение духовного мира Никиты Григорьевича Строганова в церковном искусстве // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 141–152.

Георгиевская-Дружинина Е. В. Строгановское шитье в XVII в. // Русское искусство XVII в. Л., 1929. С. 188.

- Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. 127 с.
- Дмитриев Ю.Н. «Строгановская школа» живописи // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. 649 с.
- Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков: По материалам реставрационных работ ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря : каталог-альбом. М. : Сканрус, 2003. 348 с.
- Икосов П.С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 г. Пермь, 1881. 189 с.
- Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : изд. К. Солдатенкова, 1871. 465 с.
- Кудина О.М. Феномен святости как процесс легитимации власти в Древней Руси // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 71–80.
- Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Заметки о русском: избранное. СПб. : Logos, 1997. 560 с.
- Маркелов Г.В. Святые Древней Руси: материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. Т. 1. 636 с.
- Мосина Н.А. Феномен русской святости как духовный фундамент русской культуры : дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 165 с.
- Мудрова Н.А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 540 с.
- Мудрова Н.А. Опись библиотеки Строгановых 1627 г. // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 329–340.
- Османкина Г.Ю. Мировоззренческие основы формирования раннехристианской культуры в Византии IV–VI вв : дис. ... канд. культурологии. 2000. 150 с.
- Парфентьев Н.П. О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106). С. 43–62.
- Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Московская школа в древнерусском церковно-певческом искусстве. XVI–XVII вв. : монография: в 3 т. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2023. Т. 1. 322 с.
- Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII веков. Челябинск, 1993. 346 с.
- Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Формирование монастырского хора в России XVI–XVII вв. (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 7. С. 1286–1295.
- Парфентьева Н.В. Возвышение образа Руси в музыкально-гимнографическом творчестве митрополита Киприана и царя Ивана Грозного // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 2. С. 103–107.
- Парфентьева Н.В., Парфентьев Н.П. К проблеме атрибуции цикла стихир «Отче преблаженне» в честь митрополита всея Руси Петра музыкально-гимнографическому творчеству царя Ивана Грозного // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 85–94.

Парфентьева Н. В., Парфентьев Н. П. Образно-смысловые связи поэтического и музыкального содержания стихиры «Отче преблаженне» царя Ивана Грозного из певческого цикла в честь святителя Петра // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 41. С. 68–92.

Пивоварова Н. В. Иконы Благовещенского собора Сольвычегодска по архивным документам и соборным описям конца XVI–XIX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. №. 3. С. 20–43.

Попов В. Сольвычегодская старина: Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар : СГУ, 1994. 202 с.

Преображенский А. С. Росписи Благовещенского собора в Сольвычегодске // Проблемы изучения древнерусского и византийского искусства : материалы конференции. М., 2016. 96 с.

Савваитов П. И. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1886. 119 с.

Силкин А. В. Строгановское двустороннее лицевое шитье // Вопросы исследования, консервации и реставрации произведений искусства. М., 1984. С. 42–50.

Такташова Л. Е. Мастера «строгановской школы» иконописи : дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1981. 317 с.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М. : Моск. рабочий, 1990. 269 с.

Юрьева Т. В. Канонизация святых русской церкви как культурологическая проблема // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. №. 2 (42). С. 140–148.

Parfentieva N.V., Parfentiev N.P. The development of arts in the context of the Stroganovs' activity as ktitors and art patrons in the 16–17 centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. № 13. P. 924–944.

References

Belikov A. V. *Esteticheskii smysl kanona v vizantiiskom iskusstve: dis. kand. filos. nauk* [Aesthetic meaning of the canon in Byzantine art. Ph. D. thesis on philosophical sciences]. Moscow, 2014, 233 p. (in Russian).

Bogdanov V.P. *Zapisi na knigakh kak istochnik po istorii knizhnoi kul'tury (na materiale staropechatnykh kirillicheskikh izdanii kontsa XV–XVIII vekov): dis. d-ra ist. nauk* [Book entries as a source for the history of book culture (based on early printed Cyrillic editions of the late 15th–18th centuries). Ph. D. thesis on historical sciences]. Moscow, 2023, 1041 p. (in Russian).

Dmitriev A.A. *Permskaya starina* [Perm antiquity]. Perm', 1889, iss. 1, 127 p. (in Russian).

Dmitriev Yu. N. “*Stroganovskaya shkola*” zhivopisi [“Stroganov school” of painting]. *Istoriya russkogo iskusstva* [History of Russian art]. Moscow, 1955, vol. 3, 649 p. (in Russian).

Fedotov G. P. *Svyatyye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Rus']. Moscow: Mosk. Rabochy, 1990, 269 p. (in Russian).

Georgiyevskaya-Druzhinina E. V. *Stroganovskoe shit'yo v XVII v* [Stroganov embroidery in the 17th century]. *Russkoe iskusstvo XVII v.* [Russian art of the 17th century]. Leningrad., 1929, 188 p. (in Russian).

Ikony stroganovskikh votchin XVI–XVII vekov: Po materialam restavratsionnykh rabot VKHNRTS imeni akademika I.E. Grabarya: Katalog-al'bom [Icons of the Stroganov estates of the 16th–17th centuries: Based on the materials of restoration work of the All-Russian Art Scientific Restoration Center named after Academician I. E. Grabar: Catalogue-album]. Moscow: Skanrus, 2003, 348 p. (in Russian).

Ilkosov P.S. *Istoriya o rodoslovii, bogatstve i otechestvennykh zaslugakh znamenitoi familii gg. Stroganovykh, sochinena v 1761 g.* [History of the genealogy, wealth and domestic merits of the famous family of the Stroganovs, composed in 1761]. Perm', 1881, 189 p. (in Russian).

Klyuchevskiy V.O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik* [Old Russian lives of saints as a historical source]. Moscow: K. Soldatenkov's edition, 1871, 465 p. (in Russian).

Kudina O. M. Fenomen svyatosti kak protsess legitimatsii vlasti v Drevnei Rusi [The Phenomenon of Holiness as a Process of Legitimization of Power in Ancient Rus]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2008, no. 11, pp. 71–80. (in Russian).

Likhachev D. S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevnei Rusi. Zametki o russkom: izbrannoe* [The Great Heritage. Classic Works of Literature of Ancient Rus. Notes on Russian: Selected.]. St. Petersburg: Logos, 1997, 560 p. (in Russian).

Markelov G. V. *Svyatye Drevnei Rusi: Materialy po ikonografii (prorisi, perevody, ikonopisnye podlinniki)* [Saints of Ancient Rus: Materials on Iconography (Traces, Translations, Iconographic Originals)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1998, vol. 1, 636 p. (in Russian).

Mosina N.A. *Fenomen russkoi svyatosti kak duchovnyi fundament russkoi kul'tury: dis. ... kand. kul'turologii* [The Phenomenon of Russian Holiness as a Spiritual Foundation of Russian Culture. Ph. D. thesis on cultural studies]. Moscow, 2012, 165 p. (in Russian).

Mudrova N.A. *Biblioteka Stroganovykh (vtoraya polovina XVI — nachalo XVIII v.)* [The Stroganov Library (second half of the 16th — early 18th centuries)]. Ekaterinburg: UrO RAS, 2015, 540 p. (in Russian).

Mudrova N.A. Opis' biblioteki Stroganovykh 1627 g. [Inventory of the Stroganov Library of 1627]. *Problemy istorii Rossii. Vyp. 4: Yevraziyskoye pogranich'ye* [Problems of Russian History. Issue 4: Eurasian Borderland]. Yekaterinburg, 2001, pp. 329–340 (in Russian).

Osmankina G.Yu. *Mirovozzrencheskie osnovy formirovaniya rannekristianskoi kul'tury v Vizantii IV–VI vv.: dis. ... kand. kul't* [Ideological foundations of the formation of early Christian culture in Byzantium in the 4th–6th centuries. Ph. D. thesis on cultural studies]. 2000, 150 p. (in Russian).

Parfent'yev N. P. O stroganovskoi masterskoi knizhno-rukopisnogo iskusstva XVI–XVII vv [About the Stroganov workshop of book and manuscript art of the 16th–17th centuries]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and humanitarian sciences]. 2008, no. 6 (106), pp. 43–62 (in Russian).

Parfent'yev N. P., Parfent'yeva N. V. Formirovanie monastyrskogo khora v Rossii XVI–XVII vv. (na primere Iosifo-Volokolamskogo monastyrya) [Formation of the monastery choir in Russia in the 16th–17th centuries (on the example of the Joseph-Volokolamsk Monastery)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2024, vol. 17, no 7, pp. 1286–1295 (in Russian).

Parfent'ev N. P., Parfent'yeva N. V. *Moskovskaya shkola v drevnerusskom tserkovno-pevcheskom iskusstve. XVI–XVII vv.: monografiya v 3 t.* [Moscow school in ancient Russian church singing art. XVI–XVII centuries: monograph in 3 volumes]. Chelyabinsk: Publishing center of SUSU, 2023, vol. 1, 322 p. (in Russian).

Parfent'ev N. P., Parfent'yeva N. V. *Usol'skaya (Stroganovskaya) shkola v russkoj muzyke XVI–XVII vekov* [Usolsk (Stroganov) school in Russian music of the 16th–17th centuries]. Chelyabinsk, 1993, 346 p. (in Russian).

Parfent'yeva N. V. *Vozvyshenie obraza Rusi v muzykal'no-gimnograficheskem tvorchestve mitropolita Kipriana i tsarya Ivana Groznogo* [The exaltation of the image of Rus' in the musical and hymnographic works of Metropolitan Cyprian and Tsar Ivan the Terrible]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities]. 2020, vol. 20, no. 2, pp. 103–107 (in Russian).

Parfent'yeva N. V., Parfent'ev N. P. K probleme atributsii tsikla stikhir “Otche preblazhenne” v chest' mitropolita vseya Rusi Petra muzykal'no-gimnograficheskemu tvorchestvu tsarya Ivana Groznogo [On the Problem of Attribution of the Stichera Cycle “Blessed Father” in Honor of Metropolitan Peter of All Rus' to the Musical and Hymnographic Works of Tsar Ivan the Terrible]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2022, vol. 15, no. 1, pp. 85–94 (in Russian).

Parfent'yeva N. V., Parfent'ev N. P. *Obrazno-smyslovye svyazi poeticheskogo i muzykal'nogo soderzhaniya stikhiry “Otche preblazhenne” tsarya Ivana Groznogo iz pevcheskogo tsikla v chest' svyatitelya Petra* [Figurative and Semantic Connections of the Poetic and Musical Content of the Stichera “Blessed Father” of Tsar Ivan the Terrible from the Singing Cycle in Honor of St. Peter]. *Vestnik Yekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2023, no. 41, pp. 68–92 (in Russian).

Pivovarova N. V. *Ikony Blagoveshchenskogo sobora Sol'vychegodsk po arkhivnym dokumentam i sobornym opisyam kontsa XVI–XIX vekov* [Icons of the Annunciation Cathedral of Solvychegodsk based on archival documents and cathedral inventories of the late 16th–19th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism]. 2015, no. 3, pp. 20–43 (in Russian).

Popov V. *Sol'vychegodskaya starina* [Solvychegodsk antiquity]. *Materialy i issledovaniya k 500-letiyu g. Sol'vychegodsk* [Materials and research for the 500th anniversary of the city of Solvychegodsk]. Syktyvkar: SGU, 1994, 202 p. (in Russian).

Preobrazhenskiy A. S. *Rospisi Blagoveshchenskogo sobora v Sol'vychegodske* [Paintings of the Annunciation Cathedral in Solvychegodsk]. *Materialy konferentsii “Problemy izucheniya drevnerusskogo i vizantinskogo iskusstva”* [Proceedings of the conference “Problems of studying ancient Russian and Byzantine art”]. Moscow, 2016. 96 p. (in Russian).

Savvaitov P. I. *Stroganovskiye vklady v Sol'vychegodskiy Blagoveshchenskiy sobor* [Stroganov contributions to the Solvychegodsk Annunciation Cathedral]. *Pamyatniki drevnej pis'mennosti i iskusstva* [Monuments of ancient writing and art]. St. Petersburg, 1886, 119 p. (in Russian).

Silkin A. V. Stroganovskoe dvustoronnee litsevoe shit'yo [Stroganov double-sided pictorial embroidery]. *Voprosy issledovaniya, konservatsii i restavratsii proizvedenii iskusstva* [Issues of research, conservation and restoration of works of art.]. Moscow, 1984, pp. 42–50 (in Russian).

Taktashova L. Ye. *Mastera "stroganovskoi shkoly" ikonopisi: dis. ... kand. Iskusstvovedeniya* [Masters of the "Stroganov school" of icon painting: diss. ... candidate of art history. Ph. D. thesis on Art history]. Leningrad, 1981, 317 p. (in Russian).

Vklad. Khudozhestvennoe naslediye Stroganovykh XVI–XVII vekov v muzeyakh Sol'vychegodска i Permskого kraя. [Contribution. Artistic heritage of the Stroganovs of the 16th–17th centuries in the museums of Solvychegodsk and the Perm region]. Perm': Permskaya gosudarstvennaya khudozhestvennaya galereya, 2017, 727 p. (in Russian).

Vorokhobov A. V. Osnovy bibleiskogo ponimaniya svyatosti [Fundamentals of the Biblical Understanding of Holiness]. *Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii* [Works of the Nizhny Novgorod Theological Seminary]. 2020, no. 18, pp. 349–359 (in Russian).

Voroshin S. D. Anika Stroganov i russkoe regional'noe iskusstvo XVI v [Anika Stroganov and Russian regional art of the 16th century]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences]. 2020, vol. 20, no. 4, pp. 66–71 (in Russian).

Voroshin S. D. Ikona Liturgiya: "Izhe kheruvimy" kak reprezentant identichnosti Nikity Grigor'yevicha [the icon Liturgy: "Izhe Kheruvimy" as a representative of the identity of Nikita Grigorievich Stroganov]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2023, vol. 16, no. 7, pp. 1127–1143 (in Russian).

Voroshin S. D. Otrazhenie dukhovnogo mira Nikity Grigor'yevicha Stroganova v tserkovnom iskusstve Stroganova [Reflection of the spiritual world of Nikita Grigorievich Stroganov in church art]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2022, vol. 15, no. 1, pp. 141–152 (in Russian).

Vvedenskiy A. A. *Dom Stroganovykh v XVI–XVII vv.* [The Stroganov House in the 16th–17th centuries]. Moscow: Publishing House of socio-economic literature, 1962, 307 p. (in Russian).

Yur'yeva T. V. Kanonizatsiya svyatykh russkoi tserkvi kak kul'turologicheskaya problema [Canonization of saints of the Russian church as a cultural problem]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya* [Humanitarian vector. Series: Philosophy, cultural studies]. 2015, no. 2 (42), pp. 140–148 (in Russian).

Parfentieva N. V., Parfentiev N. P. The development of arts in the context of the Stroganovs' activity as ktitors and art patrons in the 16–17 centuries. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020, no. 13, pp. 924–944.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Принята к публикации: 02.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2025)4-12

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканда (Узбекистан)

В. Н. Ильин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул (Россия)

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И КЛАССИФИКАЦИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В. В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена изучению двух основных вопросов истории старообрядчества на территории Томской губернии — его численного состава и классификации по согласиям и толкам в последней четверти XIX — начале XX в. Источниковой базой работы послужили материалы Государственного архива Алтайского края (Барнаул) и Государственного архива Томской области (Томск), а также некоторые опубликованные источники. В ходе исследования были проанализированы различные статистические данные и выявлены причины их расхождения. Кроме того, изучена география расселения староверов в пределах Томской губернии. Процесс расселения староверов являлся следствием государственно-конфессиоナルной политики, проводившейся на территории Томской губернии и Российской империи в целом. Установлены причины несоответствия реального числа староверов и данных официальной статистики. Авторами дана характеристика основных согласий и толков староверов. Сделан важный вывод, что в своем содержании старообрядчество Томской губернии принципиально не отличалось от старообрядчества Центральной России, согласия и толки здесь были те же самые. Это явилось следствием активного принудительного и добровольного переселенческого процесса староверов на территорию Западной Сибири, в том числе и Томской губернии. В количественном смысле в данной губернии в последней четверти XIX — начале XX в. преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Ключевые слова: старообрядчество, староверы, Томская губерния, государственно-конфессиональная политика, стариковщина, безпоповцы, поповцы, согласия.

Для цитирования

Дашковский П. К., Ильин В. Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 240–258 DOI 10.14258/nreur(2025)4–12.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры всемирной истории, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Ильин Всеолод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Барнаул (Россия); доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** vse-ilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0685-5745>

P. K. Dashkovskiy

Altay state university, Barnaul (Russia); Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan)

V. N. Ilyin

Altay state university, Barnaul (Russia); Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul (Russia)

**NUMERICAL STRUCTURE AND CLASSIFICATION
OF THE OLD BELIEVERS OF THE TOMSK PROVINCE
IN THE LAST QUARTER OF THE 19th – BEGINNING
OF THE 20th CENTURIES IN THE CONTEXT
OF THE STATE-CONFESIONAL POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The article is devoted to the study of two main issues in the history of the Old Believers in the Tomsk province — its numerical composition and classification by agreements and sects in the last quarter of the 19th — early 20th centuries. The source base of the work is the materials of the State Archives of the Altai Territory (Barnaul) and the State Archives of the Tomsk Region (Tomsk), as well as some published sources. In the course of the study, various statistical data were analyzed and the reasons for their discrepancies were identified. In addition, the geography of the settlement of Old Believers within the Tomsk province was studied. The process of resettlement of the Old Believers was a consequence of the state-confessional policy pursued in the Tomsk province and the Russian Empire as a whole. The reasons for the discrepancy between the actual number of Old Believers and the official statistics are established. The author provides a description of the main agreements and sects of the Old Believers. An important conclusion is made that in its content, the Old Believers of the Tomsk province did not differ fundamentally; the agreements and sects here were the same as in Central Russia. This was a consequence of the active forced and voluntary migration process of Old Believers to the territory of Western Siberia, including Tomsk province. In quantitative terms, in the Tomsk province in the last quarter of the 19th — early 20th centuries, representatives of the Starikovshchina, Pomorskoye consent and Popovshchina predominated.

Keywords: Old Belief, Old Believers, Tomsk province, state-confessional policy, elders, bezpopovtsy, popovtsy, consent

For citation:

Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N. Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19th — beginning of the 20th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire. *Nations and religion of Eurasia*. 2025. Т. 30, № 4. П. 240–258 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–12.

Dashkovskiy Peter Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies at Altai State University, Barnaul (Russia), Professor of the Department of World History, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Ilyin Vsevolod Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Barnaul (Russia), Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** vse-ilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0685-574>

Введение

Церковный раскол, произошедший в середине XVII в., имел гораздо более глубокие и серьезные последствия, чем могли себе представить современники той эпохи. Он разделил не только русскую церковь, но и общество, государство, культуру и саму историю. Административно-силовые методы решения «старообрядческого вопроса» в первые два столетия не дали для имперской власти положительного результата. Стало очевидным, что для «борьбы с расколом» необходимы иные методы и подходы. Возникла острая потребность в знаниях «о сути самого раскола и его численности». Петр Семенович Смирнов, известный российский историк и богослов XIX в., в своей речи на магистерском коллоквиуме 20 декабря 1898 г. перед защитой диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке» отметил, что «научной разработкой истории раскола стали заниматься сравнительно недавно... Причиной, все более и более возрастающего интереса к приобретению сведений о расколе, добытых наукой, следует видеть, бесспорно, в том, что раскол и доселе не отжил своего века, что он представляет собой явление живое, имеющее современное значение» [Смирнов, 1899: 155].

Уже к началу XIX в., когда история старообрядчества насчитывала полтора столетия, множественность и многообразие возникших к этому времени старообрядческих направлений вызвали острую необходимость их систематизации. Первая классификация всего «раскола» была осуществлена Министерством внутренних дел во второй половине царствования Николая I. Основана она была на донесениях чиновников особых поручений, направленных в губернии для изучения «раскола» на местах. Важно отметить, что само многообразие старообрядческих толков и согласий явилось следствием в первую очередь мер ограничения и преследования со стороны официальных светских и церковных властей. Сама же первая классификация «раскольников» также необходима была для разработки более эффективной концепции борьбы с «расколом» [Бежан, 2007: 87]. Практически до конца XIX в. отсутствовала стройная и объективная классификация томского старообрядчества — и губернские чиновники, и епархиальное духовенство при перечислении толков перечисляли в одном ряду молокан, поморцев, беспоповцев и др. При проведении переписи населения 1897 г. принадлежность к конкретному толку записывалась со слов самих старообрядцев [Иванов, 1997: 91].

Еще более сложным являлся вопрос о численности последователей «раскола». Официальные светские и церковные власти признавали, что имеющиеся данные далеки от действительных, как в целом по всей империи, так и по каждой отдельной губернии. По их мнению, статистика «раскола» всегда составляла самую слабую сторону в деле его изучения. Причина, по их мнению, состояла во многом в «скрытности самих последователей раскола, которые до самой смерти иногда не обнаруживали своей принадлежности к расколу» [Обзор деятельности ведомства православного исповедания, 1901: 238–239].

Важно отметить, что и сегодня проблемы численного состава и классификации староверов по согласиям и толкам, как в рамках всей империи, так и по отдельным губерниям с научной позиции не раскрыты до конца.

Вопрос о численном составе и классификации старообрядцев Томской губернии и Западной Сибири в целом стал активно изучаться в 80-е гг. XIX в. с введением в То-

больской и Томской духовных семинариях кафедр по истории и обличению русского раскола и местных сект. В данном случае стоит отметить труды Д. Н. Беликова и И. Новикова [Первый Епархиальный Миссионерский съезд в г. Томске, 1900; Беликов, 1901]. Несмотря на конфессиональную тенденциозность, их труды содержат важный и богатый исследовательский материал.

Среди современных исследователей численного состава старообрядчества, а также характеристики его толков и согласий обозначенного периода, стоит выделить таких исследователей, как Е. М. Бежан, К. Ю. Иванов, В. А. Должиков, Г. Н. Храпков, Н. А. Старухин [Бежан, 2007: 87–95; Иванов, 1997: 91–94; Иванов, 2001; Гостюшева, Должиков, 2019: 12–19; Храпков, 2017: 146–151; Старухин, 2006: 113–118; 1999: 93–103; 2012].

Как дореволюционные, так и современные исследователи старообрядчества Томской губернии при изучении его численности сталкиваются с двумя основными проблемами — несовершенством системы учета и отсутствия надежных критериев для определения принадлежности к религиозным толкам и согласиям. Важно также отметить, что существовало большое количество так называемых тайных староверов среди как единоверцев, так и числившихся представителями официального православия. Поэтому дореволюционные исследователи, как правило, опираются на официальную статистику. Современный исследователь старообрядчества Западной Сибири К. Ю. Иванов отмечает, что на данный момент в истории старообрядчества до сих пор остаются неизученными определённые аспекты, один из которых — это демографические процессы старообрядчества, в том числе и его численный состав [Иванов, 2009: 74]. Кроме того, исследователь вынужден констатировать, что при выяснении вопроса о классификации старообрядчества ему пришлось столкнуться с проблемой как общероссийского, так и местного характера — отсутствие единого устойчивого понятийного аппарата не только среди дореволюционных, но и современных исследователей [Иванов, 2001: 20]. Другой исследователь, О. П. Ершова, отмечала, что статистический вопрос является одним из самых сложных вопросов в истории старообрядчества. Это чрезвычайно важно при оценке характера и направленности вероисповедной политики. Вместе с тем она подчеркнула, что «при том состоянии статистики, которое существовало в России, она должна быть предметом для специального исследования» [Ершова, 1999: 72].

Таким образом вопрос о численном составе и классификации старообрядцев дореволюционного периода, как в целом в пределах Российской империи, так и его отдельных губерний, в том числе в Томской губернии, до настоящего времени является мало изученным, соответственно, важным, чем и обусловлена актуальность данной статьи. Цель данной статьи — провести анализ численного состава и географии расселения старообрядчества Западной Сибири, дать характеристику его основных толков и согласий в последней четверти XIX — начале XX в. Достижение поставленной цели важно для дальнейшего изучения старообрядчества в контексте государственно-конфессиональной политики имперской власти, так как политика государственных властей и Русской православной церкви была дифференцирована по отношению к согласиям и отдельным толкам. К примеру, одним из радикальных толков старообрядчества считалось бегунство. Кроме того, нужно отметить, что многие старообрядческие центры

и населенные пункты возникли в результате добровольной и принудительной миграции, как следствие «противораскольнической» политики имперских властей (к примеру, «поляки», «кержаки», «каменщики»).

Основными источниками данного исследования послужили отчеты Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского, представленные в Томских Епархиальных Ведомостях, приложения ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора, представленные в Обзорах Томской губернии, а также архивные документы Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области.

Численный состав старообрядцев Томской губернии

По официальным данным томских губернских властей, «раскол» в Томской епархии появился здесь почти одновременно с образованием селений и городов. Старообрядцы самовольно бежали сюда из Европейской России, также в период правления Екатерины II на территории Бийского и Барнаульского округов были переселены так называемые *ветковцы*. По данным Томских епархиальных властей, «нет ни одной деревни, населенной исключительно природными сибиряками, в которой не нашлось бы приверженцев мнимой старины; даже не редкость встретить в одном доме несколько различных вер, например, муж беспоповец, жена единоверка, брат мужа беглопоповской секты, другой спасова согласия или австрийской лжеерархии» [Обзор Томской губернии за 1892 г., 1893: 36].

По официальным данным, в 1885 г. «раскольников» в пределах Томской епархии числилось 27673 чел. [Обзор Томской губернии за 1885 г., 1886: 9]. В 1892 году в числятся уже 58995 чел. [Обзор Томской губернии за 1892 г., 1893: 37]. Однако сами светские и церковные власти были вынуждены признать, что данные цифры далеки от реальных. Одной из причин сложности установления более точной численности староверов состояла в том, что «последователи раскола живут скрытно». Об этом писало и официальное губернское издание: «Общее число раскольников, расселенных по всем округам с точностью определить нельзя, т. к. многие из них живут в лесах, ущельях гор, и вообще малодоступных местах» [Обзор Томской губернии за 1891 г., 1892: 39].

Важно отметить, что сведения Томского Епархиального противораскольнического Братства Св. Димитрия Митрополита Ростовского существенно отличались от официальных: в 1888 г. «раскольников» Совет братства насчитывает более 80.000. Данные по округам представлены следующим образом: по Барнаульскому — 40000, Бийскому — 35000, Каинскому — 2775, Томскому — 1415, Мариинскому — 1227, Кузнецкому — 652 [Беликов, 1901: 6]. Исследователь томского старообрядчества XIX в. Д. Н. Беликов выделяет основные «центры раскола»:

- по Барнаульскому округу: на левой стороне Оби вся Кулундинская степь, в правой стороне от Оби волости Косихинская, Белоярская, Тальменская, Боровлянская, Чумышская и Верх-Чумышская, «с главными гнездами раскола по Кулунде в с. Тюменцевском, дер. Ключах. Ермачихе и Жарковой, Шипициной, Безпаловой»;
- по Бийскому округу такие поселения, как Выдриха, Секисовка, Быструха, Мало-Убинская, Сибирячиха, Топольная, Солоновка на р. Пещаной, Айское, Тавда, Платова и др., а также Бухтарминский край, основанный «каменщиками»;

— Тарсминская и Косминская волости Кузнецкого округа.

«Среди многих Кузнецких раскольнических селений и деревень по степени самой людой раскольнической настроенности дер. Желтоногина занимает особое выдающееся место» — отмечает исследователь. Что касается Томского округа, то по его данным, «раскольники приютились здесь на отдельных заемках, обильно раскинувшихся к северо-востоку от г. Томска в так называемой Томско-Чулымской тайге» [Беликов, 1901: 15–16].

В 1898 г. братством было отмечено, что общее количество «раскольников» в епархии насчитывается уже до 93698 чел. Из округов по численности «раскольников» лидирует Барнаульский, за ним следуют Бийский и Змеиногорский. Советом братства были также выделены и приходы «особенно обильные раскольниками»:

- 1) в округе Барнаульском: Ребрихинский с 3060 раскольниками; Старобутырский — 2055, Тюменцевский — 1733, Сорокинский — 1672, и Боровский — 1171;
- 2) в Бийском: Айский — 2462, Катандинский — 2311, Куюганский — 1274, Сычевский — 1380;
- 3) в Змеиногорском: Секисовский единоверческий — 7301, Верх-Убинский — 2588, Кабановский — 1960 [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 19–20].

Основная причина разницы между данными официальной статистики и братства состояла в том, что официальная статистика учитывала только так называемых раскольников от рождения, т. е. официальных, и не учитывала так называемых тайных или уклонившихся из православия в раскол. Поэтому члены Братства непосредственно входили в сношения с приходами через благочинных, прося их предоставить более точные сведения о числе «раскольников», учитывая не только «явных», но и тех, кто числится официально православным, но на деле таковым не являлся, а в официальном православии числились лишь формально [Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 г., 1887: 3–7].

О. благочинный № 31 в своем отношении от 10 января 1889 г. пишет: «...с точностью определить число уклонившихся в раскол — невозможно. В приходе, где уклонившихся в раскол значительная часть, — истинно-православных нет, так как духом раскола проникнуты и те, которые принимают таинства св. церкви, а потому считаются и пишутся православными. Разность между православными и раскольниками в раскольнических приходах состоит только в степени приверженности к расколу и в степени обнаружения раскола; заблуждения же раскольнические, их взгляды, их обряды разделяются и православными; все они молятся двуперстiem, уважают только медные иконы, любят ходить поОсолонь, двоить аллилуйя» [Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887–8 четвертый отчетный год, 1889: 21].

Довольно много «тайных» старообрядцев было выявлено светскими и церковными властями (многие старообрядцы, официально числившиеся представителями официальной Церкви, сами открыто заявили о себе) после издания законов о метрической записи старообрядческих браков от 19 апреля 1874 г. и «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 г. [Ильин, 2018: 117]. Фонды Государственного архива Томской области (ГАТО) содержат множе-

ство документов по данному поводу (в том числе прошений от старообрядцев о внесении их и своих детей в особые метрические книги) [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2517; 2550; 2568; 2643; 2652; 2655; 2700; 2702; 2722; 2757; 2758; 2759; 2785; 2825; 2826; 2832; 2833; 2854; 2892; 2900; 2915; 2936; 2940; 2955; 2956; 2972; 2975; 2976; 2980; 2981; 2990; 2994; 3005; 3006; 3008; 3019; 3025; 3028; 3046; 3059; 3107; 3118; 3257]. Примером служат сведения о состоянии прихода Меретской Свято-Троицкой церкви благочиния № 19 за 1885 г.: «По церковным документам в приходе сей церкви раскольников не считается, кроме ниже поименных прихожан из д. Старо-Обинцевой, Инской и Верхне-Сузунской, прежде состояли в православии и принимали от православной Церкви таинства: крещение, бракосочетание, а с некоторого времени стали себя считать раскольниками, в церкви не ходят, детей не крестят, умерших хоронят сами без напутствования и отпетия священника, и считают себя сектантами поморской секты, свечами и иконами церковными пренебрегают и в общей молитве с православными не участвуют, молебнов не служат, усопших в церкви не поминают... На обличие священника отвечают дерзко и с насмешкой, говоря, мы веруем так, как веровали до Никона, и более ничего знать не хотим и никаких Ваших увещаний слушать не хотим» [ГААК. Ф. 166 Оп. 1 Д. 1 Л. 308]. О данном явлении, имевшем массовый характер в пределах Томской губернии, писали Томские Епархиальные ведомости: «Издавна находилось немало лиц, сочувствующих Расколу, но до 1883 года они мало заявляли о себе, большей частью входили в состав православных приходов, принимали некоторые церковные таинства и не позволяли себе открыто пропагандировать свои лжеучение. Но с 1883 года, когда раскольником дарованы некоторые права, в среде их началось весьма заметное движение, обнаружилось стремление выделиться из православных приходов [,] чтобы жить самостоятельной жизнью [,] как [,] например [,] жители деревни Петропавловской, которые обратился к местной власти с просьбой об отделении их от православной церкви, с такой же просьбой обратились и крестьяне деревни Малая Бащалака на имя обер-прокурора святейшего Синода по дозволения им состоять в расколе. Хотя большая часть просителей принимали таинства, а некоторые даже в 1886 году вступили в брак с благословения Святой церкви» [Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год, 1887: 3–7]. Наглядным документом по данному аспекту является «Ведомость о числе раскольников и уклонившихся в раскол из Православия и Единоверия, проживающих в приходах 15 церквей благочиния № 18 от 1887 г.», в которой указано 9434 «раскольников, кои считаются Православными, но на самом деле истинные раскольники» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2892. Л. 104–105].

В своем вступительном слове перед открытием в Томске миссионерского епархиального съезда 9 августа 1898 г. преосвященный Макарий, епископ Томский и Барнаульский заявил: «Когда пришло время выделить православную паству и подвести счет раскольников, то число сих последних оказалось чрезмерно великим. Те, которые прежде считались православными, оказались издавна тайно принадлежащими к расколу, или уклоняющимися в раскол. В некоторых местах почти все православные сибиряки и доныне более или менее заражены духом раскола» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 7].

Таким образом, многие староверы проживали тайно в малодоступных для представителей официальной церкви губернских властей местах, кроме того, многие из староверов официально числились прихожанами православной (никонианской) церкви, из-за чего учет численности старообрядцев был затруднен. Томские Епархиальные Ведомости пишут по этому поводу: «При всём старании сотрудников Братства некоторые укромные и потаенные уголки раскольнического мира ускользнули от их наблюдения, а таковыми углами Томская епархия не бедна. Тайные поселения раскольников нередки и сегодня в Томской епархии, которые нигде в книгах не записаны. Не проходит и года [,] чтобы сколько-нибудь таких поселений не было открыто в Томской епархии и теперь в Томской, Мариинской, Колыванской или Кузнецкой тайге или где-нибудь в ущельях Алтайских гор» [Состояние раскола в Томской епархии и летопись прошедших в нем событий в 1894–95 году, 1896: 5].

Важно отметить, что количество староверов в пределах Томской губернии существенно увеличивалось за счет переселенческого процесса. Исследователь томского старообрядчества Д. Н. Беликов пишет: «Усиленное переселенческое движение в Сибирь началось с конца 1880-х годов. Но почти ежегодно тысячами переселенцы оседали в Томской губернии и ранее, и в этих тысячах всегда можно было насчитать если не сотни, то многие десятки семей, принадлежавших расколу... Покинувшие родину вследствие экономических затруднений, раскольники-переселенцы селились и не перестают селиться по всем округам губернии» [Беликов, 1901: 10].

Основной поток переселенцев шел из Рязанской, Тамбовской, Тобольской, Пермской, Воронежской, Вятской и других губерний. Переселенцы-староверы старались селиться в малодоступных отдаленных местах. Их манила плодородная земля и в определенной степени удаленность от властей. Еще с 40-х гг. XIX в. в Уймонский край активно стали прибывать переселенцы из европейской части России, преимущественно из Вятской губернии, среди которых было много староверов. Активно переселялись староверы в Змеиногорский округ. Избегая соседства с православными-никонианами, они селились рядом со своими единоверцами-староверами, а также осваивали новые земли и основывали новые поселки. Также активно заселялась и Кулундинская степь. В отчете Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 г. указано: «Ряды старообрядцев особенно пополняются вновь приехавшими из России новоселами. Кулунда сплошь населена раскольниками, — а новоселы приезжают туда ежегодно целыми тысячами и все народ бедный. Нужда заставляет их жить, или поденщиной, или в работниках у старожилов-раскольников. Доколе вновь прибывший не изменит православию, не станет креститься двуперстно, — до тех пор хозяин не посадит его с собой за стол» [Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 год, 1892: 20]. Томские Епархиальные Ведомости писали по этому поводу: «С каждым годом с переселенцами к нам едут целые сотни, даже тысячи раскольников, селятся в удобных для них захолустьях, вдали от духовной и гражданской власти. Раскол растет, крепнет, грозит совращением сотням невежественной массы» [К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества, 1896: 28].

Основные согласия и толки старообрядцев Томской губернии

В своем содержании представители старообрядчества Томской губернии принципиально не различались, согласия и толки здесь были те же, что и в Центральной России.

Поповцы. Распределились по всей губернии, с особою плотностью были представлены в селениях польских выходцев («поляки»). Среди поповцев преобладали старообрядцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии (австрийцы). Д. Н. Беликов отмечает: «В прежнее время поповщина существовала только в виде беглопоповщины, но с конца 1850-х годов в Томской губернии появляется согласие австрийского священства, которое развиваясь постепенно, захватывает в себе беглопоповщину все более и более» [Беликов, 1901: 17]. Австрийская иерархия возникла в 1846 г., когда основная часть беглопоповцев признала законность перехода в старообрядчество митрополита Босно-Сараевского Амвросия и поставленных им преемников. Местом его жительства было селение Белая Криница, находившееся тогда на территории Австрийской империи. Соответственно, данную иерархию стали называть Австрийская или Белоクリницкая. В 1862 г. согласие раскололось на две неравные части по отношению к «Окружному посланию» — «окружников» и «противоокружников». Принципиальным являлось то, что «окружники» признавали некоторые нововведения Никона и осуждали только преследования старообрядцев. «Окружников» на территории Томской губернии было большинство, противоокружники делились на «иовцев» и «раздорствующих».

Безпоповство. На территории Томской губернии численно лидировали беспоповцы. Среди беспоповцев выделялись:

- 1) поморцы (с внутренним делением на законобрачных поморцев, полубрачных даниловцев, небрачных федосеевцев и филиповцев);
- 2) истинно православные христиане странствующие;
- 3) спасовцы (нетовщина глухая и нетовщина поющая). Близкими к Спасову согласию являлись самокрещенцы и «рябиновцы».

Характеризуя поморцев, миссионеры отмечали их крайне «враждебное» отношение к Русской православной церкви. «Федосеевцы и филиповцы при том наиболее фанатичны и враждебны по отношению к Русской православной церкви, даниловцы же значительно мягче» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 25, 28].

Большая часть поморцев на территории Томской губернии принадлежали именно к законобрачному согласию. Его основными центрами были д. Гилева и с. Верх-Убинское Змеиногорского округа, Солоновка Бийского округа и Ворониха Барнаульского округа. Как отмечали миссионеры, последователи Поморского законобрачного согласия, по сравнению с другими беспоповцами, были как бы «передовыми». В них более всего отмечалось стремление к грамотности и просвещению, у них было немало своих школ, богатых библиотек, их наставники заметно выделялись по своему развитию и начитанности [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 27]. Приходящих из Русской православной церкви и других христианских толков поморцы обязательно перекрещивали.

От законобрачного поморского согласия Томское епархиальное Братство отличало так называемое старопоморство в виде федосеевщины, филиповщины и даниловщины [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 28].

Федосеевцы и филиповцы отличались от законобрачного поморства по вопросам о браке и молении за царя, даниловцы — только по вопросам о браке. Федосеев-

цы решительно отвергали брак, который, по их мнению, может быть заключен только священником, а так как истинного священства в «настоящее антихристове время» нет, то не может быть и брака. За царя федосеевцы не молились. Как отмечали миссионеры, «филиповцы живут в высшей степени замкнуто, строго блеют свой старинный уклад жизни, и с такой же строгостью относятся к внешним, за что и получили прозвище «крепких Христиан». Их отличительной чертой было то, что они ни в каком случае не позволяют себе молиться иконам, изготовленным не их соглашниками. Филипповцы существовали в Каинском округе и в Чумышской волости Барнаульского округа [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 31]. Даниловцев, по мнению миссионеров, в последнее время «начинает тянуть к законобрачному Поморскому согласию».

По убеждению томских епархиальных властей, истинно православные христиане странствующие (странничество или бегунство) есть «секта вообще малораспространенная, но по своим воззрениям крайне вредная, обосновалась в Томской епархииочно. Странники живут отдельными скитами в малодоступных горах, в болотистой или лесистой тайге — вдалеке от православных поселений. Центром странничества является Чулымская тайга (Томский и Мариинский округа). Существуют скиты и в Алтайских горах» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 32]. Как отмечают исследователи XIX в., «Бегунство по его принципу — самый строгий аскетизм. Все странники по идее — иноки. Уставы их необыкновенно строги» [Смирнов, 1895: 118].

Основная часть спасовцев в Томской губернии принадлежала к нетовщине глухой, меньшая часть — к нетовщине поющей. В 1860-е гг. появились самокресты (самокрещенцы), выделившиеся из Спасова согласия. По данным Томского противораскольнического Братства «Нетовщина в Томской епархии насчитывает не одну тысячу своих последователей. Нетовцы проживают в Барнаульском, Кузнецком и Бийском округах» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 44]. Другим отвлечением нетовцев — самокрещенцев были восточники и рябиновцы. Соседи называли их дырниками, оконопоклонниками или небесниками. По мнению восточников, неиспорченных икон не осталось, а новые писать и освятить некому, поэтому они молились на восток (на солнце), в хорошую погоду — на открытом воздухе, а в ненастье — через отверстие, прорубленное в восточной стене дома.

Стариковщина. По утверждению Д. Н. Беликова, стариковщина представляется собой нечто среднее между поповщиной и безпоповщиной. Так как представители стариковщины обходились без священства, довольствуясь требоисправителями из стариков и старух, то они подходят к безпоповству. Однако Д. Н. Беликов отмечает, что «последователи ее не восстают против священства или, по крайней мере, в принципе ничего не имеют против него, привыкли обращаться к старикам только нужды ради, мы должны отнести этот вид старообрядчества к толкам поповщинского характера. Можно с положительностью утверждать, что стариковщина возникла и развилась из беглопоповщины вследствие затруднительного положения при относительной редкости беглых попов, а в Сибири иной раз и полного их отсутствия» [Беликов, 1901: 17].

Весьма близко к старицам подходит согласие часовеных. Старики не считали для себя особенно тяжким грехом в необходимых случаях обращаться за таинствами и погребением к официальной православной церкви, — часовенные относились к этому делу гораздо строже и потому прибегали к священникам РПЦ очень редко. Старики, избирая из своей среды наставников, вводили их в круг обязанностей без всякого поставления, часовенные требовали, чтобы избранный в наставники был поставлен на его настоятельское дело через благословение от других наставников, в свою очередь преемственно получивших благословение от Иргиза, Рогожского кладбища или от екатеринбургских иноков. Местом наибольшей сплоченности старицами в пределах Томской губернии была Кулундинская степь.

Если судить о количестве староверов в Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в., то здесь преобладали представители старицами, поморского согласия и поповщины.

Заключение

Томская губерния являлась одной из старообрядческих территориальных центров в количественном и качественном смысле. Епархиальному противораскольническому Братству Св. Димитрия Митрополита Ростовского удалось установить примерное число староверов, равное более 90 тысяч человек, что существенно превышало число староверов по официальным данным. Основная причина разницы между данными официальной статистики и Братства состояла в том, что официальная статистика учитывала только так называемых «раскольников от рождения», т. е. официальных и не учитывала так называемых тайных или «уклонившихся из православия в раскол». Важно также учитывать, что многие староверы проживали тайно в малодоступных для представителей официальной церкви и губернских властей на местах.

По численности «раскольников» лидирует Барнаульский округ, за ним следуют Бийский и Змеиногорский. Вместе с тем количество староверов в пределах Томской губернии существенно увеличивалось в результате переселенческого процесса. Переселенцев манила плодородная земля и в определенной степени удаленность от властей.

Старообрядчество Томской губернии принципиально не отличалось согласий староверов Центральной России, согласия и толки здесь были те же самые. С точки зрения численности, в Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. преобладали представители старицами, поморского согласия и поповщины.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23–18–00117).

Acknowledgements and funding

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant «The Influence of the Imperial Acculturation Policy and the Soviet Model of State-Confessional Relations on the Situation of Religious Communities in Border Regions and National Autonomies of the Asian Part of Russia» (project No. 23–18–00117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бежан Е. М. Классификация старообрядческих согласий и сектантских общин, их развитие и распространение на территории Западной Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Омского университета. 2007. № 3. С. 87–95.

Беликов Д. Н. Томский раскол: (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. 246 с.

Гостюшева Е. М., Должиков В. А. Конфессиональный состав населения Томской губернии по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 12–19.

Государственный архив Алтайского края. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2517.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2550.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2568.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2643.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2652.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2655.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2700.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2702.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2722.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2757.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2758.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2759.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2785.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2825.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2826.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2832.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2833.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2854.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2892.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2900.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2915.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2936.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2940.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2955.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2956.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2972.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2975.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2976.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2980.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2981.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2990.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2994.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3005.

- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3006.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3008.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3019.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3025.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3028.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3046.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3059.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3107.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3118.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3257.
- Ершова О.П. Старообрядчество и власть. М. : Уникум-Центр, 1999. 202 с.
- Иванов К.Ю. Согласия и толки томского старообрядчества (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторические судьбы православия в Сибири: тезисы докладов и научных сообщений конференции. Иркутск, 1997. С. 91–94.
- Иванов К. Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 30 с.
- Иванов К. Ю. Старообрядчество Змеиногорского уезда Томской губернии (XVIII — начало XX в.) // Наука и образование. Белово : Беловский полиграфист, 2009. Ч. 1. С. 75–76.
- Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год // Томские Епархиальные Ведомости. 1887. № 6. Отдел неофициальный. С. 1–23.
- Ильин В. Н. Старообрядческие браки в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 2. С. 112–118.
- К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества // Томские Епархиальные Ведомости. 1896. № 5. Отдел неофициальный. С. 23–31.
- Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III. СПб., 1901. 727 с.
- Обзор Томской губернии за 1885 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1886. 48 с.
- Обзор Томской губернии за 1891 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1892. 69 с.
- Обзор Томской губернии за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1893. 66 с.
- Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887–8 четвертый отчетный год // Томские Епархиальные Ведомости. 1889. № 3. Отдел неофициальный. С. 1–25.
- Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 год. // Томские Епархиальные Ведомости. 1892. № 3. Отдел неофициальный. С. 14–25.
- Первый Епархиальный миссионерский съезд в г. Томске 10–27 августа 1898 года. Томск, 1900. 332 с.

Смирнов П. С. Важность изучения внутренней жизни раскола: речь на магистерском коллоквиуме 20-го декабря перед защитой диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке». СПб., 1898 // Христианское чтение. 1899. № 1. С. 155–165.

Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895. 276 с.

Состояние раскола в Томской епархии и летопись произошедших в нем событий в 1894–95 году // Томские Епархиальные Ведомости. 1896. № 1. Отдел неофициальный. С. 5–13.

Старухин Н. А. Белокриницкие общины Томской губернии: проблемы церковной организации и управления (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 113–118.

Старухин Н. А. Белокриницкое согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. С. 93–103.

Старухин Н. А. Белокриницкое согласие Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (этапы формирования и принципы организации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

Храпков Г. Н. Сущность раскола (старообрядчества) в трудах и очерках священнослужителей и светских деятелей второй половины XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 146–151.

REFERENCES

Belikov D.N. *Tomskii raskol: (istoricheskii ocherk s 1834 po 1880-ye gody)* [Tomsk split: (historical essay from 1834 to 1880s)]. Tomsk, 1901, 246 p. (in Russian).

Bezhan E. M. Klassifikatsiya staroobryadcheskikh soglasii i sektantskikh obshchin, ikh razvitiye i rasprostranenie na territorii Zapadnoi sibiri v pervoi polovine XIX v. [Classification of Old Believer agreements and sectarian communities, their development and distribution on the territory of Western Siberia in the first half of the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2007, no. 3, pp. 87–95 (in Russian).

Gostyusheva E. M., Dolzhikov V. A. Konfessionalniy sostav naseleniya Tomskoi gubernii po dannym pervoi vserossiiskoi perepisi 1897g. [Confessional composition of the population of Tomsk province according to the first all-Russian census of 1897]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2019, no. 59, pp. 12–19 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altayskogo kraya (GAAK) [State archive of the Altai territory]. Fund 166. Inventory 1. File 1 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2517 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2550 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2568 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2643 (in Russian).

- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2652 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2655 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2700 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2702 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2722 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2757 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2758 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2785 (in Russian).
- v *Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2825 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2826 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2832 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2833 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2854 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2892 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2900 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2915 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2936 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2940 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2955 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2956 (in Russian).
- Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti* (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2972 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2975 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2976 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2980 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2981 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2990 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2994 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3005 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3006 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3008 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3019 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3025 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3028 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3046 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3059 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3107 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3118 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3257 (in Russian).

Ershova O. P. *Staroobryadchestvo i vlast'* [Old Believers and Power]. Moscow: Unikum-Tsentr, 1999, 202 p. (in Russian).

Il'in V. N. *Staroobryadcheskie braki v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossijskoi imperii na territorii Tomskoi gubernii v XIX v.* [Old Believer marriages in the context of the state-confessional policy of the Russian Empire on the territory of the Tomsk province in the 19th century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018, no. 2, pp. 112–118 (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Soglasiya i tolki tomskogo staroobryadchestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Consent and talk of the Tomsk Old Believers (the second half of the 19th —

early 20th centuries)]. *Istoricheskie sud'by pravoslaviya v Sibiri: Tezisy dokladov i nauchnykh soobshchenii konferentsii* [Historical fate of Orthodoxy in Siberia: Abstracts of reports and scientific reports of the conference]. Irkutsk, 1997, pp. 91–94 (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Staroobryadchestvo yuga Zapadnoi Sibiri vtoroi polovini XIX — nachala XX v. Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk.* [Old Believers in the South of Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century. PhD Thesis in History]. Kemerovo, 2001, 30 p. (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Staroobryadchestvo Zmeinogorskogo uezda Tomskoi gubernii (XVIII – nachalo KhKh v)* [Old Believers in the Zmeinogorsk District of Tomsk Province (18th — Early 20th Century)]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. Belovo: OOO “Belovskii poligrafist”, 2009, vol. 1, pp. 75–76 (in Russian).

Izvlechenie iz otcheta o sostoyanii i deyatel'nosti Tomskogo protivoraskol'nicheskogo Bratstva vo imya Svyatitelya Dimitriya Mitropolita Rostovskogo za 1885–6 god. [Extract from the report on the status and activities of the Tomsk anti-schismatic Brotherhood in the name of St. Demetrius Metropolitan of Rostov for 1885–6.] *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. Otdel neoficial'nyj [The department is informal]. 1887, no. 6, pp. 1–23 (in Russian).

K voprosu o bor'be s raskolom staroobryadchestva [To the question of the fight against the split of the Old Believers]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1896, no. 5, otdel neoficial'nyi, pp. 23–31 (in Russian).

Khrapkov G. N. *Sushchnost' raskola (staroobryadchestva) v trudakh i ocherkakh svyashchennosluzhitelei i svetskikh deyatelei vtoroi polovini XIX – XX vekov* [The essence of the schism (Old Believers) in the works and essays of clergy and secular figures of the second half of the 19th – 20th centuries]. *Upravlencheskoe konsultirovaniye* [Management consulting]. 2017, no. 3, pp. 146–151 (in Russian).

Obzor deyatel'nosti vedomstva pravoslavnogo ispovedaniya za vremya tsarstvovaniya Imperatora Aleksandra III [Overview of the activities of the department of the Orthodox confession during the reign of Emperor Alexander III]. St. Peterburg, 1901, 727 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1885 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1885. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1886, 48 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1891 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1891. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1892, 69 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1892 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1892. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1893, 66 p. (in Russian).

Otchet bratstva Svyatitelya Dimitriya, Mitropolita Rostovskogo v g. Biiske za 1887–8 chetvertyi otchetnyj god [Report of the brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in the city of Biysk for 1887–8, the fourth reporting year]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1889, no. 3, otdel neofitsial'nyi, pp. 1–25 (in Russian).

Otchet Bratstva Svyatitelya Dimitriya, Mitropolita Rostovskogo za 1890–91 god. [Report of the Brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov for 1890–91]. *Tomskie*

Eparkhial'nye Vedomosti [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1892, no. 3, otdel neofitsial'nyi, pp. 14–25 (in Russian).

Pervyi Eparhial'nyi missionerskii s'ezd v g. Tomske [The First Diocesan Missionary Congress in Tomsk]. Tomsk, 1900, 332 p. (in Russian).

Smirnov P.S. *Istoriya russkogo raskola staroobryadchestva* [The history of the Russian split of the Old Believers]. St. Peterburg, 1895, 276 p. (in Russian).

Smirnov P.S. *Vazhnost' izucheniya vnutrennei zhizni raskola: rech' na magisterskom kollokviume 20-go dekabrya pered zashchitoi dissertatsii "Vnuttrennie voprosy v raskole v XVII veke".* SPb., 1898 [The importance of studying the inner life of the schism: speech at the master's colloquium on December 20th before the defense of the dissertation "Internal questions in the schism in the 17th century"]. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading]. 1899, no. 1, pp. 155–165 (in Russian).

Sostoyanie raskola v Tomskoi eparkhii i letopis' proissheshshikh v nem sobytii v 1894–95godu [The state of the split in the Tomsk diocese and the chronicle of the events that took place in it in 1894–95.]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1896, no. 1, otdel neofitsial'nyi, pp. 5–13 (in Russian).

Starukhin N.A. *Belokrinitkskie obshchini Tomskoi gubernii: problemi tserkovnoi organizatsii i upravleniya (vtoraya polovina XIX veka)* [Belokrinitksky Communities of Tomsk Province: Problems of Church Organization and Management (Second Half of the 19th Century)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2006, vol. 5, iss. 1, pp. 113–118 (in Russian).

Starukhin N.A. *Belokrinitksoe soglasie na Altai: Barnaulskaya Krestovozdvizhenskaya tserkov* [Belokrinitksoye consent in Altai: Barnaul Holy Cross Church]. *Staroobryadchestvo: istoriya i kultura* [Old Believers: history and culture]. Barnaul, 1999, pp. 93–103 (in Russian).

Starukhin N.A. *Belokrinitksoe soglasie Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (etapi formirovaniya i printsipy organizatsii). Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk* [Belokrinitksoye consent of Tomsk province in the second half of the 19th — early 20th centuries (stages of formation and principles of organization). PhD Thesis in History]. Novosibirsk, 2012, 24 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Принята к публикации: 02.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025